
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

V.I. Golovchenko
**Party Ideology and Social Risks:
the Issue of Correlation
and Mutual Influence**

The article investigates the problem of interdependence of the party ideology and social risks. The author focuses on the problem of escalating political risks in periods of global societal transformations.

Key words and word-combinations: party ideology, social risks, correlation.

Исследуются проблемы взаимобусловленности партийной идеологии и социальных рисков. Акцентируется внимание на проблеме эскалации политических рисков в периоды глобальных социетальных трансформаций.

Ключевые слова и словосочетания: партийная идеология, социальные риски, взаимовлияние.

УДК 321
ББК 66.03

В.И. Головченко

ПАРТИЙНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ: К ПРОБЛЕМЕ КОРРЕЛЯЦИИ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

На всем протяжении развития человеческого общества существовали социальные риски, однако в периоды глобальных социетальных трансформаций, как правило, происходит дифференциация риска и усиление степени его опасности. Ученые выявили определенную тенденцию формирования рисков в истории человечества, которая заключается в том, что по мере развития общества увеличивалось число видов и типов рисков, а также количество подвергающихся им людей. Социальный риск, по мнению Н. Лумана, следует рассматривать как «порог бедствия» [1, с. 20–21].

Основной тенденцией процесса трансформации современного российского общества является дифференциация социальных рисков, изменение их характера с коллективного на индивидуальный, охват различных слоев населения. Э. Гидденс отмечает, что риски порождаются институтами общества рефлексивного модерна: «...мы живем в мире, где опасности, созданные нашими

же руками, не менее, а то и более серьезны, чем те, которые приходят к нам извне» [2, с. 50]. Между тем социальный риск имеет и положительные тенденции, так как способствует прогрессивному развитию общества, повышению адаптационного потенциала социетальных институтов; препятствует стагнации общества и является индикатором общественных настроений. По утверждению Э. Гидденса, «риск представляет собой оборотную сторону современности (modernity), и он никуда не денется, пока существует современность с ее стремительными социальными и технологическими переменами, вызывающими совершенно непредвиденные последствия» [2, с. 50].

Процессы политической трансформации постсоветской эпохи положили начало формированию деструктивных тенденций, обостривших ситуацию в стране. Торможение экономического роста, падение качества государственного управления, рост коррупции, слабость судебной власти — все эти объективные факторы указывают на наличие сопутствующей им рискогенной социальной ситуации. При этом активизирующиеся общественные силы все более отчетливо формулируют запросы на преодоление этих негативных факторов. В то же время, по мнению, Б.И. Макаренко, «последние исследования показывают: оптимизма по поводу того, что эта стабильность, точнее — инерция прошлой модели развития — позволит решить насущные проблемы, повысить качество жизни, не испытывают даже лояльные сторонники власти» [3, с. 33].

Решающими в таких ситуациях становятся «субъективные», «актор-ориентированные» факторы, связанные не с объективными условиями, а с действиями политических субъектов, таких как, например, политические партии, которые, в свою очередь, выражают «политическую волю» социума. В данном случае реакция политической элиты общества, осознающей необходимость реформ в исключении или демпфировании социальных рисков. Однако политические партии, и в частности так называемая «правящая партия», запаздывают в формулировании идеологии, политической стратегии, а также в реализации мер, ведущих к преодолению социальных рисков, хотя в последнее время появились осознание этой проблемы и попытки реагирования на нее.

Современный взгляд на роль партийной идеологии в системе общественного и политического сознания, а также детальный анализ этого понятия дает Н. Михальченко: «Социальные группы, слои нуждаются в осознании своего места в обществе, ищут средство выражения и защиты своих интересов, преследуют свои цели. Идеологии выступают не только их духовной опорой, но и средством, атрибутом бытия» [4, с. 232].

Одним из непосредственных проявлений социального риска является социальная напряженность. «Напряжение, — пишет Т. Парсонс, — есть тенденция к нарушению равновесия в балансе обмена между двумя и более компонентами системы» [5, с. 16]. Современное общество рассматривается как «общество риска». При этом его становление связано не только с модернизацией, но и с глобализацией, которая, с позиции Э. Гидденса, «порож-

дает общество риска как состояние всеобщей озабоченности, неуверенности и страха» [2, с. 50]. В таком обществе неизбежно происходит расширение политической сферы, или субполитизация. В свою очередь процесс субполитизации, по мысли У. Бека, порождает другие риски, состоящие в проблемах принятия политических решений, формирования партийной идеологии [6, с. 44]. Вывод о снижении влияния идеологических установок на деятельность партии ни в коей степени не влияет на оценку общей роли идеологии в жизни общества. Наоборот, по мере того, как в обществе возрастает коллективный характер действий, усиливается и роль идеологии, а значит, «всегда есть потребность идеологической (во многом ценностной) интерпретации социальной реальности» [3, с. 78].

Партийная идеология, по мнению ученых, содержит «в себе активное преобразующее и побуждающее начало, стремясь к трансформации действительности в соответствии с собственным проектом» [7, с. 232]. Однако вместо того, чтобы давать реальную картину возможного развития общества, идеология становится средством преобразования, трансформации, упорядочивания взглядов членов партии и поддерживающих ее социальных субъектов. Партийная идеология в духе индоктринации «использует данные познания и опирается на них, но лишь как на средство. Она отбирает в них то, что отвечает ее цели, и подвергает такой обработке, какая требуется для более эффективного воздействия на умы и чувства людей в желаемом духе» [3, с. 80].

Вместе с тем постсекулярные тенденции в современном российском обществе создают серьезные политические и социальные риски. Первый из них, полагает С.Н. Лаврентьев, — это риск усиления гражданского размежевания между различными конфессиональными группами [8, с. 16]. Вторым является ослабление института гражданской политической социализации и замена его институтом религиозно-политической социализации: «В этом случае политическая лояльность граждан будет направлена на конфессиональные, а не политические институты» [8, с. 16]. Третий риск состоит в угрозе дестабилизации политической обстановки в результате усиления религиозного фундаментализма. В последнее время все более настойчиво звучат предложения по возрождению министерства по вопросам национальной политики и межконфессиональным отношениям. «Нам необходимо найти собственную модель постсекуляризма, — приходит к выводу С.Н. Лаврентьев. — Его формула — взаимодействие светского государства с религиозными организациями как элементами гражданского общества, влияние конфессиональных организаций на власть не непосредственно, а через институты гражданского общества, например общественное мнение. Только такой механизм способен обеспечить межнациональный мир и стабильность политической системы в России» [8, с. 17].

Еще одна группа социальных рисков связана с внутренними и внешними факторами, формирующими социальную напряженность в современном Российском государстве, которые обусловлены биологическими и социальными потребностями людей. К внутренним факторам относятся прежде всего

восприятие человеком своей социальной среды и чувства, которые возникают под ее влиянием, такие как эмоциональное настроение, ощущение себя счастливым или несчастливым человеком; уровень тревожности; состояние здоровья; отношения с близкими людьми; морально-психологический климат и иные. Вместе с тем постоянно растущие потребности людей под воздействием прогресса в науке, технике и технологиях, развития производства могут стимулировать возникновение новых факторов. Среди внешних факторов можно выделить общегосударственные (недоверие к политическим лидерам; сложная экономическая ситуация в России; проблемы в области межнациональных отношений; нарушения социальной справедливости); региональные (неэффективная работа местных органов власти; высокий уровень безработицы среди населения; этнические и конфессиональные противоречия; особенности культуры в разных регионах; ухудшение экологической обстановки; острая жилищная проблема и демографическая проблема в регионах и др.).

Исследования качества жизни в различных государствах были начаты в 2009 г. издательской группой International Living. По результатам исследований этой неправительственной организации на основании показателей государства в девяти категориях: стоимость жизни, культура и досуг, экономика, окружающая среда, свобода, здоровье, инфраструктура, безопасность и риск, климат, определяется индекс качества жизни (Quality of Life Index). Индекс качества жизни оценивается по шкале от 0 (наихудшее качество жизни) до 100 (наилучшее качество жизни). В опубликованном в январе 2011 г. отчете приведены данные по этому индексу для 192 государств и территорий. По этим данным, для постсоветской России индекс качества жизни составил 54, и она заняла 115 место из 192 в одном ряду с Гайаной, Замбией, Кувейтом, Кыргызстаном, Мальдивскими островами, Микронезией, Перу и Филиппинами [9, с. 101].

Как косвенная оценка качества жизни может рассматриваться индекс благосостояния. По данным исследовательского института The Legatum Institute, для постсоветской России индекс благосостояния составил 63,875, и она заняла 59-е место из 110 между Румынией и Монголией в группе государств со средним уровнем благосостояния. При этом результаты постсоветской России хуже среднего значения 55 по четырем индикаторам: государственное управление (96), личная свобода (87), безопасность (82) и экономика (72) [9, с. 102].

По данным 2011 г., уровень удовлетворенности жизнью в постсоветской России оценивается в 5,3 балла при среднем для государств ОСЭР 6,7 балла, и она занимает 34-му месту из 36. Достаточно похожую картину удовлетворенности жизнью российских граждан дает российская негосударственная исследовательская организация Левада-Центр. По данным социологического опроса, проведенного этой организацией в декабре 2011 г., 37% российских граждан вполне и по большей части устраивает та жизнь, которую они ведут сейчас, 41% — отчасти устраивает, отчасти нет, а 22% — по большей части и совершенно не устраивает [9, с. 103]. В программе партии «Еди-

ная Россия» в связи с проблемой коррекции социальных рисков заявлено, что «Мы не можем мириться... с опасным уровнем социального неравенства. <...> Должны расти не просто доходы, а качество жизни и благополучие российских семей — в этом главный смысл всей нашей работы» [10].

Важнейшие факторы, также оказывающие влияние на качество жизни людей, — личная свобода и добросовестная и транспарентная социальная конкуренция в правовом поле, которая обеспечивается такой свободой. Как обозначено в программных документах «Единой России», сторонники этой партии не могут мириться с тем, что «у людей возникает ощущение несправедливости при обращении в госучреждения, в суды или в правоохранительные органы» [10]. В идеологиях как леволиберальных, так и правых партий («Яблоко», «Справедливая Россия») подчеркивается, что наличие в государстве экономической, политической, информационной свободы и порождаемой ею конкуренции является необходимым условием для подавления коррупции.

Подводя итог, отметим следующее: на политической арене России представлен весьма широкий спектр различных течений и идеологий; в связи с постоянным ростом числа партий конкуренция между ними растет, вызывая появление спойлеров, в том числе и в идейной сфере. Нестабильность партийной системы пока не позволяет сделать выводы о доминировании какой-либо идеологии. Глубокая и многополярная идеологическая стратификация в условиях политической стабильности активизирует гражданское общество и правовые институты. Думается, что идеологическое многообразие, формирование механизма конкуренции и соперничества между партиями позволит выдвигать новые альтернативные варианты коррекции социальных рисков, а именно минимизировать и снизить уровень их проявления.

Библиографический список

1. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. Вып. 5.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
3. Макаренко Б.И. Контуры обретения будущего императивы развития // Полис. 2013. № 1.
4. Михальченко Н.И. Украинское общество: трансформация, модернизация или лимитроф Европы? Киев, 2001.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
6. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000.
7. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2008.
8. Лаврентьев С.Н. Политические партии и постсекулярный синдром в современной России // Власть. 2013. № 12.
9. Нисневич Ю.А. Постсоветская Россия: двадцать лет спустя // Полис. 2013. № 1.
10. Программное обращение партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/program/>